

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/54/9

И.О. Волков, Э.М. Жиликова

**ПРЕДКИ И.С. ТУРГЕНЕВА В КАЧЕСТВЕ ЧИТАТЕЛЕЙ:
Н.И. ЛАВРОВ И ВЕРГИЛИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ
РОДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)**

Статья посвящена частному аспекту проблемы «И.С. Тургенев и Вергилий». На материале личной библиотеки писателя производится анализ чернильных маргиналий на страницах четырёхтомного французского издания «Энеиды» (L'Eneide, 1804). В ходе аналитического разбора устанавливается наиболее вероятный читатель поэмы Вергилия и, соответственно, автор помет – Н.И. Лавров, двоюродный дед Тургенева. Героическая личность генерала 1812 г. сопоставляется с этико-философским содержанием означенных в процессе чтения поэмы моментов.

Ключевые слова: *И.С. Тургенев, Н.И. Лавров, Вергилий, «Энеида».*

Античная традиция вообще и творчество Публия Вергилия Марона в частности имели особое значение в становлении и развитии художественно-эстетических принципов И.С. Тургенева. Проблема творческой связи русского писателя с величайшим поэтом Древнего Рима в отечественном и зарубежном литературоведении обозначена в работах [1–4]. Однако при её изучении необходимо также учесть контекст, закономерно определённый материалами личной (родовой) библиотеки Тургенева – истинной лабораторией творчества.

1

Сочинения Вергилия в книжной коллекции Тургенева немногочисленны: они представлены русским стихотворным переводом «Георгик», выполненным в 1821 г. С.Е. Раичем (Амфитеатровым) [5], и двумя разными редакциями на французском языке. Во-первых, это Сочинения (Les oeuvres, 1774) в двух томах [6], куда вошли поэмы древнеримского поэта в переводе Пьера Дефонтена; во-вторых, четырёхтомное издание «Энеиды» (L'Eneide, 1804) [7] в переложении Жака Делиля. Оба варианта составлены в форме параллельно идущих текстов – латинского и французского.

Перевод «Энеиды» Делиля 1804 г. отмечен особым читательским вниманием – на нём оставлены многочисленные пометы. Во-первых, это чернильные (реже – карандашные) отчёркивания на полях (короткий горизонтальный штрих или вертикальная прерывистая линия) и подчёркивания в тексте (иногда волнистые), имеющие жирное начертание и неаккуратное, явно небрежное оформление. Во-вторых, надписи в виде буквенного сочетания «NB» (nota bene), а также одно слово на французском языке, точно

разобрать которое из-за расплывшихся очертаний невозможно (т. 3, с. 81: на полях, напротив 785-го стиха). Наконец, единожды употреблён знак «плюс».

Однако принадлежность указанных следов чтения именно Тургеневу более чем сомнительна, хотя писатель, безусловно, знал это французское переложение поэмы, поскольку в 1849 г. читал «Георгики» в переводе того же Делиля. О своём впечатлении он писал Полине Виардо: «Я не мог его докончить; право, это слишком пресно, и к тому же, эти александрийские стихи текут с отвратительной легкостью; это жидко и безвкусно, как вода» [8. Т. 1. С. 428].

Установлению более вероятного автора помет помогает подпись на титульных листах второго и последующих томов: на французском языке вверху страницы чернилами выведено: «Lavroff» (Лавров). Как известно, в родословной Тургенева дворянский (калужский) род Лавровых составил отдельную линию: Екатерина Ивановна Лаврова (1767–1834) (Лутовинова в первом замужестве и Сомова во втором) приходилась писателю родной бабушкой, т.е. была матерью Варвары Петровны [9. С. 70]. Пометы на «Энеиде», по всей видимости, принадлежат брату Е.И. Лавровой – Николаю Ивановичу Лаврову (1761–1813). Основания для такого вывода даёт содержание выделенных в книге отрывков: оно непосредственно соотносится с личностью тургеневского деда, героическим образом прочно вошедшего в анналы русской истории.

2

Н.И. Лавров в конце XVIII – начале XIX в. представлял собой известную и значимую в военно-политических кругах России фигуру. Оба его родителя принадлежали к старинным дворянским родам, а дядя по матери, генерал-аншеф А.И. Бибииков (на смерть которого Г.Р. Державин написал оду), участвовал в подавлении Пугачёвского бунта [10. С. 19]. На протяжении трёх царствований Лавров прошёл путь от рядового лейб-гвардии Преображенского полка до генерал-лейтенанта, начальника штаба армии. Под командованием А.В. Суворова он не только штурмовал Измаил (1790), но также совершал переход через Альпы (1799). В 1806–1807 гг. Лавров участвовал в русско-пруско-французской войне [11. С. 8–9].

В течение почти целого года (со 2 ноября 1799 по 15 октября 1800 г.) дед Тургенева, находясь в Сибири, был шефом Томского мушкетёрского полка [12. С. 368]. Во время Отечественной войны 1812 г. Лавров состоял сначала при М.Б. Барклае-де-Толли, к которому испытывал большую неприязнь¹, а при Бородинском сражении его корпус перешёл в распоряже-

¹ В письме к А.А. Аракчееву (от 30 сентября 1812 г.) Лавров писал: «Имею честь препроводить 17 листов приказов фельдмаршала, из коих один Барклая, который *корчит* полководца» [13. С. 213].

ние М.И. Кутузова². Выйдя в начале 1813 г. в отставку по состоянию здоровья³, генерал отправился в родовое имение Холодово Орловской губернии. Скончался Лавров в ноябре того же года, направляясь в Орёл «для излечения от болезней» (цит. по: [16. С. 288]).

Село Холодово в 1834 г. по наследству досталось Варваре Петровне. Однако памятно оно было ей задолго до этого: именно отсюда зимой 1810 г. она бежала к дяде, спасаясь от унижений отчима [17. С. 14]. После смерти Варвары Петровны имение перешло во владение Тургенева. В 1867 г. писатель неоднократно пытался продать Холодово в связи с неприятной обременительной тяжбой со своим дядей-управляющим Н.Н. Тургеневым [8. Т. 8. С. 10, 12–13, 17].

В Военной галерее Зимнего дворца одним из портретов «генералов своих судеб» должно было стать и изображение Лаврова, однако на его месте находится лишь «рамка, затянутая зелёным шелком с гравированными на золочёной дощечке его чином, инициалами и фамилией» [18. С. 12]. На запрос нарочного о портрете генерала его сестра, Е.К. Сомова, отвечала: «Покойный брат мой не позволял никому списывать с себя портретов, и по сей-то причине одного портрета не бывало как у меня, так же и у покойной его жены» (цит. по: [Там же. С. 12]). Однако А.А. Свирса считает официальные причины, призванные объяснить отсутствие изображения «яркого представителя военной элиты начала XIX в.», малоубедительными [19. С. 28]. По мнению учёного, на ненаписание или даже исчезновение портрета Лаврова из Военной галереи могли повлиять его особая близость к графу А.А. Аракчееву и непосредственное участие в устройстве военных поселений [Там же. С. 30–31].

3

Обращение к французскому переводу «Энеиды», «одному из лучших изданий» того времени [20. С. 106], для Лаврова имело особый смысл. В 1799 г., участвуя в боевых действиях под командованием Суворова, ему довелось быть в Италии. Физически и психологически Лавров ощутил себя освободителем от французского владычества народа Италии, который считался прямым наследником традиций древних римлян. Не случайно золотой век русской поэзии возрождает «в многоликном и полисемантическом образе Италии осязаемые черты её души – Рима» [21. С. 100]. Пережитые

² О замене Баркляя-де-Толли на М.И. Кутузова в качестве главнокомандующего Лавров писал А.А. Аракчееву (30 августа 1812 г.): «По приезде князя Кутузова армия оживотворилась, ибо прежний с замерзлой душой своей, замораживал и чувства всех его подчинённых» [14. С. 66].

³ О серьёзном нездоровье Лаврова генерал В.И. Левенштерн (на то время адъютант Баркляя-де-Толли) сообщает в своих «Записках»: «Я передал это приказание генералу Лаврову, но нашёл его в самом жалком состоянии: он был разбит параличом, почти не владел ногами, не мог ни ходить, ни ездить верхом. В физическом отношении это была олицетворённая немощь» (цит. по: [15. С. 362]).

Лавровым в Итальянском походе впечатления вошли в героический ореол его самосознания.

Знакомство с поэмой Вергилия, являвшей высокий образец лиро-эпического повествования о благородном пути человека и самоотверженном поиске родины, для Лаврова пришлось на период национального подъёма и гражданской экзальтации. Именно в своих заграничных походах он мог приобрести французское издание «Энеиды» и читать его в промежутки с 1804 по 1813 г. То есть история Энея усваивалась им либо в самой гуще событий текущего времени, либо уже в отставке, в провинциальном имении – через соотнесение собственного опыта с судьбой троянского героя.

Как образованный русский дворянин, детство и юношество которого прошли в период царствования Екатерины II, Лавров должен был прекрасно усвоить французский язык – непререкаемую деталь светского этикета. Не случайно свою подпись на книгах (кроме поэмы Вергилия его именем в Спасской библиотеке также отмечен роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий»⁴) он ставит именно по-французски; также в его многочисленных (обнаруженных и дошедших до нас) письмах встречается одна фраза на французском (при описании бедственного положения кавалерии Наполеона): «...они говорят сами, что лишились почти всех своих лошадей – nous sommes obligés de nous en servir de koniki – т.е. заменяться скверными польскими мужичьими лошадьми» [13. С. 212]. В то же время, очень хорошо владея «обязательным» языком русского общества, он, вероятно, совершенно не знал латынь, что объясняет полное отсутствие каких-либо помет на тех страницах «Энеиды», где дан текст оригинала.

Чернильные и карандашные знаки оставлены практически на каждой книге (песни) поэмы, за исключением первой и третьей. Наибольшее количество читательских обозначений сосредоточено в пределах четвертой книги, где изображены любовь Дидоны и Энея, бегство героя и трагическая смерть карфагенской царицы. Необходимо заметить, что перевод Делиля относительно оригинала оказывается в некоторых местах дополненным, т.е. переводчик «дописывает» за Вергилия целые фрагменты, расширяет их. Показательно, что уже к концу первого тома (кн. 1–2) французский текст почти на двести стихов превосходит латинский. Некоторые стихи поэмы, выделенные Лавровым, относятся именно к поэтическим «изобретениям» Делиля.

Основной корпус помет связан с темой войны. Однако внимание читателя сосредоточено не на батальных сценах как таковых, а на своеобразных моментах мудрствования, когда действующие лица или сам автор рас-

⁴ В философско-политическом трактате Мармонтеля центральное место занимает фигура римского (византийского) военачальника, пребывающего в опале. На протяжении шестнадцати глав он с благородным пафосом и проникновенным патриотизмом произносит речи-поучения об отношениях воина и государства, облике истинного правителя и пр. Интересно, что в переводе «Велизария», организованном под руководством Екатерины II, принимал участие упомянутый дядя Лаврова – А.И. Бибиков. Ему была поручена глава XIII [10. С. 20].

суждают о проявлении разных свойств человеческой природы на поле битвы. К таким заключениям нравственно-философского характера относятся мысли о доблести и чести, мужестве и милосердии, справедливости и терпении:

«Энеида» в переводе Ж. Делиля	Подстрочный перевод с французского
Mourons le fer en main, voilà notre devoir: Tout l'espoir des vaincus est un beau désespoir [Т. 1. P. 279]	Давайте умрём с железом в руке, вот наш долг: Всякая надежда для побеждённых – лишь прекрасное отчаяние
Et veut mourir cent fois plutôt que de céder [Т. 2. P. 307]	И желает скорее сто раз умереть, чем усту- пить
<i>L'infortune aux grands coeurs commande un grand effort.</i> <i>Sachons souffrir le flux et le reflux du sort</i> ⁵ ; Toujours la patience asservit la Fortune [Т. 2. P. 367]	<i>Большая неудача требует больших усилий,</i> <i>Терпеливо перенесём прилив и отлив судь-</i> <i>бы;</i> Всегда терпенье приносит удачу.
S'ils n'ont pour eux le nombre, ont pour eux le courage [Т. 2. P. 373]	Если у нас нет количества, у нас есть храб- рость
Toi, conserve un coeur ferme au milieu du danger [Т. 3. P. 21]	Ты, сохрани твердое сердце в середине опасности
Donne aux vaincus la paix, aux rebelles des fers [Т. 3. P. 115]	Дай побежденным мир, мятежникам – оковы
Fidèle dans la paix, vaillant dans les combats [Т. 3. P. 191]	Верная в мире, доблестна в битве
C'est à l'audace, amis, qu'appartient le succès. [Т. 4. P. 47]	Отвага, друзья, являет успех
<i>Votre arrêt est dicté: la mort, ou la victoire</i> [Т. 4. P. 59]	<i>Продиктован вам приговор: смерть или</i> <i>победа</i>
Rien ne trouble leur coeur, rien n'affaiblit leurs bras; Vaincus, vous les voyez revoler aux combats [Т. 4. P. 215]	Ничто не мешает их сердцам, ничто не ослабляет их рук; Вы видите, побеждённые – они снова стремятся в сраженье
Grand prince, permettez que, servant la patrie, J'achète quelque gloire aux dépens de ma vie [Т. 4. P. 337]	Великий принц, позволь, за родину сража- ясь, добыть себе славу ценой жизни.

Эти моменты этико-мировоззренческого обобщения, проходящего в условиях высокой патетики, обнаруживают особую гуманистическую природу эстетики Вергилия. В условиях социально-исторической катастрофы и в ситуации личного кризиса человек, по Вергилию, вынужден оправдывать свои страдания стремлением к будущему возрождению (движение к счастью). В этом индивидуальном подвиге (самостоянии) автор утверждает ценность человеческой личности.

К указанным фрагментам тесно примыкают суждения о человеческой судьбе, её изменчивости и непостоянности:

⁵ Здесь и далее в приводимых фрагментах из перевода Делиля курсивом выделяются те случаи, когда французский текст не имеет конкретного пересечения с латинским источником, т.е. целиком принадлежит поэтической фантазии переводчика.

Combien de son bonheur l'homme aisément s'enivre! Sans prévoir l'avenir au présent il se livre [Т. 4. P. 77]	Сколько легко человек упивается счастьем! Не предвидя будущего в настоящем, отдает ему себя
<i>Ignorons-nous le sort et ses jeux inconstans?</i> Il détruit, il répare, il change avec le temps, <i>Et, jetant à son gré des fers ou des couronnes,</i> <i>Des états ébranlés raffermir les colonnes</i> [Т. 4. P. 231]	<i>Пренебрегаем ли мы судьбой и непостоянством её игры?</i> Она разрушает и возрождает, всё меняет с течением времени, <i>Её воля меняется от оков до короны,</i> <i>Расшатанных зданий упрочивает колонны</i>

Лавров выделяет отрывки, особенно проникнутые патриотическим пафосом. В них важно соотношение понятий *жизнь / смерть, победа / поражение, удача / невезение*, которое получает остро драматическое звучание в атмосфере сражения.

Тональность обозначенных моментов прямо соотносится с энтузиазмом и героическим воодушевлением, выраженными в письмах самого Лаврова. Так, он пишет А.А. Аракчееву незадолго до Тарутинского боя (30 сентября 1812 г.): «...всяк стремится к одному предмету, дабы Россию избавить от нашествия вражия. Умы до такой степени воспламенены, что генералы, что офицеры, солдаты и мужики лучше согласятся погребстись под развалинами своего, нежели слышать о мире, которым ласкает Наполеон своё войско. При помощи Всевышнего отмстим неприятелю – вот цель всех наших желаний...» [13. С. 213]. Примечательно и более раннее письмо к тому же адресату (30 августа 1812 г.): «Я имел честь командовать гвардией, которая храбростью, послушанием и порядком заслужила похвалу от всей армии. <...> Где смерть пожрала столько сынов России, я кое-как уцелел...» [14. С. 66].

Другая часть помет выделяет наиболее выразительные моменты повествования. К ним относятся фрагменты, в которых автор использует эпические сравнения, развёрнутые метафоры и метафорические эпитеты (при описании).

Déjà la Renommée, en traversant les airs, En a semé le bruit chez cent peuples divers. Foible dans sa naissance, et timide à sa source, Ce monstre s'enhardit, et s'accroît dans sa course [Т. 2. P. 153]	Уже молва, пересекая воздух, Посеяла шум среди сотен разных народов. Слабый в рождении и робкий в начале своём, Этот монстр смелеет и увеличивается на ходу
Ainsi, quand des fourmis la diligente armée, Des besoins de l'hiver prudemment alarmée, Porte à ses magasins les trésors des sillons, Leur foule au loin s'empresse, et leurs noirs bataillons, Par un étroit sentier s'avancant sous les herbes,	Таким же образом, когда муравьёв усердная армия, Из-за зимних напастей встревоженная, Приносит в свои жилища сокровенные запасы, Толпа их на расстояния далёкие спешит, и их чёрные батальоны Узким путём, скрытым в траве, продвигаются.

<p>Entraînent à l'envi la dépouille des gerbes: L'une conduit la troupe et trace le chemin; L'autre, non sans effort, pousse un énorme grain; Celle-ci des traîneurs excite la paresse: <i>Pour le bien de l'État, tout agit, tout s'empresse;</i> <i>Tous ont leurs soins, leur tâche et leurs emplois divers,</i> Et d'ardens travailleurs les chemins sont couverts [Т. 2. P. 181–183]</p>	<p>Влекут за собой остатки снопов: Один ведёт отряд и прокладывает путь; Другой, не без труда, толкает огромное зерно; Тот пробуждает отставших от лени: <i>Во благо государства все действуют, все поспешают;</i> <i>У всех есть своя забота, задача и место.</i> И рьяные труженики покрывают дороги</p>
<p>Ainsi, des aquilons ligués contre un vieux chêne, Lorsque sur l'Apennin le courroux se déchaine, Ils s'élancent ensemble, ils sifflent, l'air frémit; De ses rameaux courbés sous son tronc qui gémit, Les feuillages épars jonchent en vain la terre; Lui, ferme sur son roc, triomphe de leur guerre [Т. 2. P. 187]</p>	<p>Таким же образом, аквилон, призванный в союз против старого дуба, Когда на Апеннинах гнев разражается, Они вместе устремляются, они свистят, воздух дрожит; Его ветви гнутся под стоном ствола, Листва падает напрасно на землю; Он твёрдо стоит на камне своём, торжествуя в борьбе</p>
<p>A peine de la mer quittant le noir abîme Les coursiers du Soleil des monts doroient la cime, Et, chassant devant eux l'humide obscurité, Souffloient de leurs naseaux des torrens de clarté [Т. 4. P. 345]</p>	<p>С трудом тёмную пропасть морскую покидают Скакуны солнца, вершину гор золотая, И, влажную тьму изгоняя, Выдувают своими ноздрями потоки света</p>
<p>Semble encor s'agrandir à l'aspect de là gloire. Avec moins de fierté s'élèvent jusqu'aux cieux Le sourcilleux Eryx, l'Athos audacieux, Avec moins de grandeur l'Apennin se présente, Quand sur les vieux glaçons de sa cime imposante, Superbe, il s'applaudit de ses bois toujours verts, Et porte jusqu' aux cieux le trône des hivers [Т. 4. P. 417]</p>	<p>Кажется, при возрастающей славе сам облик разрастается. С меньшим благородством возвышается до небес гордый Эрикс, дерзкий Афон, С меньшим величием предстаёт Апеннин, Когда на древних льдах его громадной вершины, Великолепный, он приветствует свои вечнозеленые леса И возносит к небесам трон зимы</p>

Проявляя интерес к стилистическим особенностям поэмы Вергилия, Лавров верно определяет наиболее характерные места в образном строе произведения. Он останавливается на объёмных живописных картинах, которые наглядно передают эпический пафос произведения. Оставаясь элементом описательного повествования, эти яркие изображения оформляются у поэта в целостный компонент. Важным здесь для Лаврова оказывается и то, что выразительность практически каждого фрагмента достигается посредством соположения человеческого мира и природного, причём это сопряжение неизменно мотивировано темой сражения.

Отдельное внимание читатель заострил на образах Энея и, в меньшей степени, Дидоны, причём при их «прочтении» он ставит совершенно опре-

делённый акцент: троянец как храбрый и честный воин, а царица Карфагена – любящая, отвергнутая и страдающая.

В изображении Энея для Лаврова важна его роль лидера-воителя, призывающего сограждан к мужеству и терпению, вдохновляющего их собственным примером и дающего им надежду на победу и спасение. Также в его облике отмечается способность сохранять достоинство человека в экстраординарной ситуации. В частности, это касается скорбного и одновременно благодарного чувства к павшим воинам, а также стремления вознести им должные почести:

Là, leur chef est assis, méditant en silence Ce que peut sa valeur, ce que doit sa prudence [Т. 4. Р. 31]	Там их лидер сидит, в тишине размышляя, Какой может быть его отвага, какой должна быть его осторожность
Courage, mes amis! de glorieux succès De votre heureuse audace ont été les essais. Plusieurs chefs sont tombés: mais ces grands sacrifices De nos tributs guerriers ne sont que les prémices; A la patrie, à vous, ma main les immola: Ce Mézence si fier, mes amis, le voilà! Avançons maintenant, et jusques à Laurente Suiivons de nos destins la course triomphante; Ma voix à votre ardeur promet d'autres combats: Préparez donc vos coeurs, vos armes et vos bras. Mais, avant tout, il faut consoler la mémoire De ceux qui de leur sang ont payé notre gloire, Et dans leur triste asile accompagner leurs corps, Seule marque d'honneur qui reste aux sombres bords: C'est leur sang qui pour nous conquiert une patrie; Allez donc, et pleurez sur leur cendre chérie [Т. 4. Р. 177]	Мужайтесь, друзья! Славные успехи Были испытанием вашей удачливой смелости. Несколько воинов пало: но эти великие жертвы – Ратная дань первых шагов; Ради родины, ради вас моя рука умервила их: Этот гордый Мезенций, мои друзья, вот он! Давайте двигаться дальше – до Лаурента, Давайте последуем триумфальным шествием за нашей судьбой, Мой голос к вашему пылу обращается и обещает другие сраженья, Приготовьтесь, ваши сердца и ваши руки приведите в готовность. Но в первую очередь мы должны утешить память тех, кто кровью заплатил за нашу славу. И в печальный приют сопроводить их тела, Единственная дань уважения, оставшаяся в тёмном краю: Это их кровь, для нас завоевавшая родину; Идите и плачьте над их дорогим прахом

В образе Дидоны Лавров большей частью сосредоточен на моментах острого чувствования героини. Во-первых, когда к ней приходит понимание того, что дарданский царь покидает её и личное счастье становится невозможным. Во-вторых, это момент принятия трагедии своей судьбы. Дидона восходит на костёр и встречает взглядом знакомые предметы, воскресающие в памяти наслаждения недавнего прошлого, показывающие силу и неуязвимость чувства к Энею:

Élise, tu le vois, le traître va me fuir. Déjà de toutes parts son vil peuple s'attroupe;	<i>Решил, ты видишь, предатель меня покинуть.</i> Уже со всех сторон его мерзкие люди собираются вместе;
--	---

Déjà de leurs vaisseaux ils couronnent la poupe; Leur voile attend les vents; <i>il part, et des rameurs</i> <i>La barbare allégresse insulte à mes douleurs.</i> Si j'avois pu m'attendre à ce revers horrible, Moins imprévu, ma soeur, il seroit moins terrible [T. 2. P. 183]	Уже своих судов они венчают корму; Их паруса ждут ветра; <i>он уходит, и гребцов</i> <i>Варварская радость оскорбляет мои страдания.</i> Если бы я могла предвидеть это несчастье, Меньше, сестра моя, это было бы мне страшно
Ce lit, ces vêtemens si connus à ses yeux, Suspendent un moment ses transports furieux. <i>Sur ces chers monumens, ce portrait et ces armes,</i> <i>Pensive, elle s'arrête et répand quelques larmes</i> [T. 2. P. 215]	Эта кровать, одежда, столь хорошо известная ей, Приостановили на мгновение её яростный плач. <i>На этих дорогих предметах, этом портрете и облачении воина</i> <i>Она оставляет в молчании несколько слёз</i>

В свою очередь, для Тургенева образ Дидоны будет особенно значим на протяжении всего творчества. Страдания карфагенской царицы в 1840-е гг. для писателя станут олицетворением драматизма жизни, а присущие ей глубоко природные черты чувственности и естественности в начале 1870-х гг. воплотятся в национальной сущности двух знаковых фигур: Евлампии Харловой («Степной Король Лир», 1870) и Марьи Николаевны Полозовой («Вешние воды», 1872).

В живописании нравственного облика Энея для Лаврова значимым также оказывается глубина сыновнего чувства. Он особо выделяет те места, в которых троянский герой проявляет себя в качестве любящего сына, скорбящего об утрате дорогого отца:

Énée alors s'écrie: «O des biens le plus cher! O mon père! pourquoi fuir un fils qui t'adore? O mon père! demeure, attends, attends encore!» [T. 2. P. 371]	Эней тогда воскликнул: «О самый дорогой на свете! О мой отец! зачем бежать от сына, который тебя обожает? О мой отец! Остаься, подожди, подожди ещё!»
Hélas! parmi les morts, et le fer, et les feux, Tous fier de me courber sous ce poids glorieux [T. 3. P. 23]	Увы! Среди смертей, и железа, и огня, Сгибаясь под этим славным грузом
Accompagnant son fils sur des rives lointaines, Partageoit à la fois et consolait mes peines [T. 3. P. 23]	Сопровождая своего сына на берегах далёких, Одновременно разделял и утешал мои тяготы

Исключительность отношений отца и сына, а также «нравственная и эмоциональная связь между поколениями» вообще [22. С. 24] с большим пониманием выявлены Лавровым на примерах Лавза и Мезенция, Палланта и Эвандра. В первом случае им отмечено нравственное превосходство

сына над отцом, а во втором он выделяет желание отца на высоком образце воспитать честного и храброго воина:

<p>Sous lui marche son fils, Lausus, dont le jeune âge S'essayoit dans les bois sur l'animal sauvage; Lausus, savant dans l'art de dompter les coursiers; Lausus, après Turnus, le plus beau des guerriers, Digne d'un meilleur roi, digne d'un meilleur père: <i>Il est tendre et vaillant, il sait combattre et plaire</i> [Т. 3. Р. 247]</p>	<p>При нём шёл его сын, Лавз, чьи молодые годы Испытаны в лесу на диких животных; Лавз ученый в искусстве приручения лошадей; Лавз, после Турна, самый красивый воин, Достойный лучшего царя, достойный лучшего отца: <i>Он гордый и доблестный, он умеет сражаться и нравиться</i></p>
<p>De vos hautes leçons qu'il connoisse le prix: Savoir vous admirer, c'est avoir tout appris [Т. 3. Р. 367]</p>	<p>Твои высокие дела пусть будут ему уроком: Чтобы тобой привык восхищаться, это всё пусть изучит</p>

Таким образом, двоюродный дед писателя подходит к прочтению и осмыслению эпической поэмы Вергилия с позиции непосредственного участника масштабных военных действий конца XVIII – начала XIX в. Героический пафос «Энеиды» был созвучен как общему настроению эпохи – пробуждению национального самосознания, так и индивидуальному мироощущению. Моменты лирического повествования, означенные Лавровым, точно соответствовали его эмоционально-психологическому состоянию и нравственно-философской позиции.

Хотя он воспринимает образно-поэтический и смысловой план «Энеиды» опосредованно – через французский перевод, в котором нередко можно встретить неточности, текст Делиля всё же оказался для него репрезентативным. В способах освоения и усвоения поэмы Вергилия Лавров проявляет себя как внимательный читатель, улавливающий особенности авторского стиля (его выразительные стороны) и способный выделить характерные моменты эмоционального и психологического изображения, этико-философского и героического обобщения.

Неизвестно, насколько хорошо сам Тургенев был знаком с историей жизни своего не столь отдалённого предка, умершего всего за пять лет до его рождения. О ближайших родственниках по материнской линии в письмах и воспоминаниях он говорит очень скупно, отдавая в этом плане большее преимущество роду Тургеневых. Однако не знать совсем о деде – сподвижнике Суворова и Кутузова, герое войны 1812 г. писатель, безусловно, не мог. К тому моменту, когда имение Холодово перешло к нему по наследству, библиотека Лаврова, вероятно, была уже перевезена в Спасское и входила в общее книжное собрание. Делилевский перевод «Энеиды» в какой-то момент вполне мог оказаться и в руках Тургенева (возможно, в период его «латинomanии»), а пометы – войти в поле эстетической рефлексии.

Литература

1. Жилякова Э.М. «Зеленоватое море больших дорог...»: (И.С. Тургенев и Вергилий) // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2004. Вып. 4. С. 72–91.
2. Скоропадская А.А. Тургенев и Вергилий (на материале латинских цитат в письмах И.С. Тургенева) // Россия и Греция: диалоги культур : материалы III Междунар. конф. : в 3 ч. Петрозаводск, 2016. Ч. 1. С. 183–197.
3. Волков И.О. «Итальянский текст» в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» (1871) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 5–13.
4. Albrecht M. Turgenev und die Antike. Antike Reminiszenzen als Mittel der Charakterisierungskunst // International Journal of the Classical Tradition. Boston. 1998. Vol. 5, № 1. S. 47–65.
5. Вергилиевы Георгики / пер. А. Р[аича]. М., 1821. XXXIX, 181 с. // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 12.
6. *Les Oeuvres de Virgile* / trad. par l'abbé des Fontaines. En 2 vol. Amsterdam, 1774 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 2080, 2081.
7. *L'Énéide* / trad. par J. Delille. En 4 vol. Paris, 1804 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 3550, 3551, 3552, 3553.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1981–.
9. Чернов Н.М. Провинциальный Тургенев. М. : Центрполиграф, 2003. 425 с.
10. Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. 701 с.
11. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М. : Центрполиграф, 2009. Т. 2. Л–Я. 830 с.
12. Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII–XX веках. Томск : Изд-во НТЛ, 2012. 428 с.
13. Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. XXIV, 691 с.
14. Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 по 1821 г.). СПб., 1883. 564 с.
15. Бородино. 1812–1962: Документы, письма, воспоминания. М. : Сов. Россия, 1962. 411 с.
16. Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография : сб. материалов. М., 2008. Вып. VII. 436 с.
17. Лебедев Ю.В. Тургенев. М. : Молодая гвардия, 1990. 608 с.
18. Военная галерея Зимнего дворца. Л. : Искусство, 1981. 239 с.
19. Свирса А.А. Клеврет графа Аракчеева: превратности судьбы военного интеллигента // Феномен российской интеллигенции: История и психология : материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2000. С. 28–36.
20. Янушкевич А.С. Книжки К.Н. Батюшкова в библиотеке В.А. Жуковского // Батюшков: Исследования и материалы : сб. науч. тр. Череповец, 2002. С. 99–130.
21. Янушкевич А.С. «Прочтение» и изображение мирообраза Рима в русской поэзии 1800–1840-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 98–115.
22. Аверинцев С.С. Две тысячи лет с Вергилием // Аверинцев С.С. Поэты. М., 1996. С. 19–42.

IVAN TURGENEV'S ANCESTORS AS READERS: NIKOLAY LAVROV AND VIRGIL (ON THE MATERIALS OF THE WRITER'S FAMILY COLLECTION OF BOOKS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 147–159. DOI: 10.17223/19986645/54/9

Ivan O. Volkov, Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: wolkoviv@gmail.com / emmaluk@yandex.ru

Keywords: Ivan Turgenev, Nikolay Lavrov, Virgil, *The Aeneid*.

The article focuses on a specific aspect of the issue of the creative interaction between Ivan Turgenev and the artistic tradition of the “Mantuan Swan” – Publius Vergilius Maro. On the material of Turgenev’s private (family) book collection located in Oryol (Russia), the writer’s notes are analyzed. The notes were made on the sheets of a four-volume French edition of *The Aeneid*’ (*L’Eneide*, 1804) translated by Jacques Delille, a classicist poet. In the course of the analysis, the identity of the most probable reader and, consequently, the author of the notes was determined – Nikolay Lavrov (1761–1813), Turgenev’s maternal granduncle.

The peculiarity and uniqueness of Lavrov’s personality (Alexander Suvorov’s and Mikhail Kutuzov’s confederate, the confidant of the Count Alexey Arakcheyev, a Russian General and statesman under the reign of Alexander I), its heroic nature (the veteran of glorious military expeditions and the 1812 war battlefield general) are closely related to the style of the notes on the pages of *The Aeneid*. The numerous marginal notes and notes in the text (thick curved lines) give an opportunity to characterize the specifics of his interest to the motives and images of Virgil’s epic poem and, as a consequence, to visualize the figure of a sensitive and attentive reader.

While reading the famous poem, Lavrov laid emphasis on the peculiarities of the writing style (its expressive means: epic comparisons, metaphors), the distinctive places from the emotional and psychological perspectives, as well as the significant moments of the moral-belief and heroic generalization.

General Lavrov, the hero of the Patriotic War whose portrait was certainly supposed to adorn the Military Gallery of the Winter Palace, is the right figure to interpret the content from the perspective of a direct participant of the historical events of the war (the epoch of the awakening national identity and civil exaltation). The elements of the lyrical-epic narration he marked in the literary work corresponded to his emotional and psychological states and to his ethical and philosophical position.

Highly popular in its time, Delille’s translation of *The Aeneid* could happen to appear in the hands of Turgenev at a certain point (probably, in the period of his interest in the literature of Rome), and the notes could become part of his aesthetic reflection. The writer’s own way to Virgil was deeply idiosyncratic and, to some extent, contradictory. However, a certain faint likeness of typological approximation between Turgenev’s artistic interpretation (letters, novellas of the 1870s “A Lear of the Steppes”, “Spring Torrents”) and the preceding reader’s (Lavrov’s) interpretation can be traced.

References

1. Zhilyakova, E.M. (2004) “Zelenovatoe more bol’shikh dorog...”: (I.S. Turgenev i Vergiliy) [“Green Sea of Big Roads ...”: (I.S. Turgenev and Virgil)]. *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri*. 4. pp. 72–91.
2. Skoropadskaya, A.A. (2016) [Turgenev and Virgil (on the material of Latin quotations in the letters of I.S. Turgenev)]. *Rossiya i Gretsya: dialogi kul’tur* [Russia and Greece: Dialogues of Cultures]. Proceedings of the III International Conference: in 3 parts. Pt. 1. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 183–197. (In Russian).
3. Volkov, I.O. (2017) “Italian text” in I.S. Turgenev’s “Torrents of Spring” (1871). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/1
4. Albrecht, M. (1998) Turgenev und die Antike. Antike Reminiszenzen als Mittel der Charakterisierungskunst [Turgenev and antiquity. Ancient reminiscences as a means of art characterization]. *International Journal of the Classical Tradition*. 5(1). pp. 47–65.

5. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325/12. Virgil. (1821) *Vergilievyy Georgiki* [Virgil's Georgics]. Translated from Latin by A. R[aich]. Moscow.
6. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325/2080, 2081. Virgil. (1774) *Les Oeuvres de Virgile* [The Works of Virgil]. Translated from Latin by Abbot des Fontaines. In 2 vols. Amsterdam.
7. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325/3550, 3551, 3552, 3553. Virgil. (1804) *L'Énéide* [The Aeneid]. Translated from Latin by J. Delille. In 4 vols. Paris.
8. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
9. Chernov, N.M. (2003) *Provintsial'nyy Turgenev* [Provincial Turgenev]. Moscow: Tsentrpoligraf.
10. Polovtsov, A.A. (ed.) (1908) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian biographical dictionary]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. udelov.
11. Volkov, S.V. (2009) *Generalitet Rossiyskoy imperii: enciklopedicheskiy slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II* [Generals of the Russian Empire: the encyclopedic dictionary of generals and admirals from Peter I to Nicholas II]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.
12. Golikov, V.I. & Chernov, K.A. (2012) *Tomskiy pekhotnyy polk v boyakh i srazheniyakh v XVIII–XX vekakh* [Tomsk Infantry Regiment in battles and fights in the 18th–20th centuries]. Tomsk: Izd-vo NTL.
13. Dubrovin, N.F. (1882) *Otechestvennaya voyna v pis'makh sovremennikov (1812–1815 gg.)* [The Patriotic War in the letters of the contemporaries (1812–1815)]. St. Petersburg: tip. Imperatorskoy akad. nauk.
14. Dubrovin, N.F. (1883) *Pis'ma glavneyshikh deyateley v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1807 po 1821 g.)* [Letters of the most important figures in the reign of Emperor Alexander I (from 1807 to 1821)]. St. Petersburg: tip. Imperatorskoy akad. nauk.
15. Beskrovnyy, L.G. & Meshcheryakov, G.P. (eds) (1962) *Borodino. 1812–1962: Dokumenty, pis'ma, vospominaniya* [Borodino. 1812–1962: Documents, letters, memoirs]. Moscow: Sov. Rossiya.
16. State Historical Museum. (2008) *Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya: sb. materialov* [The Epoch of 1812: Research. Sources. Historiography: materials]. Is. 7. Moscow: Trudy GIM.
17. Lebedev, Yu.V. (1990) *Turgenev*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
18. Glinka, V.M. & Pomarnitskiy, A.V. (1981) *Voennaya galereya Zimnego dvortsa* [Military gallery of the Winter Palace]. Leningrad: Iskusstvo.
19. Svirsa, A.A. (2000) *Klevret grafa Arakcheeva: prevratnosti sud'by voennogo intelligenta* [The clurette of Count Arakcheev: the vicissitudes of the fate of a military intellectual]. *Fenomen rossiyskoy intelligentsii: Istoriya i psikhologiya* [The phenomenon of the Russian intelligentsia: History and psychology]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg" Nestor-Istoriya. pp. 28–36. (In Russian).
20. Yanushkevich, A.S. (2002) *Knigi K.N. Batyushkova v biblioteke V.A. Zhukovskogo* [Books of K.N. Batyushkov in the library of V.A. Zhukovsky]. In: Lazarchuk, R.M. (ed.) *Batyushkov. Issledovaniya i materialy* [Batyushkov. Research and materials]. Cherepovets: Cherepovets State University.
21. Yanushkevich, A.S. (2013) "Reading" and image of Rome in Russian poetry of 1800s–1840s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (25). pp. 98–115. (In Russian).
22. Averintsev, S.S. (1996) *Poety* [Poets]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 19–42.